

УДК 94(497.1) + 94(97).084.9СССР
ББК 63.3(4Югo) «1948–1950»
Ж66

DOI: 10.244112/2409-1413-2022-1-138-176

Милана Живанович

**БОТАНИКА
И ПОЛИТИКА:
ИЗБРАНИЕ
И ИСКЛЮЧЕНИЕ
ИЗ СОСТАВА
СЕРБСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК
П. И. ЧЕРНЯВСКОГО**

АННОТАЦИЯ

В статье представлена до сих пор неизвестная страница биографии первого палеоботаника, основоположника данной отрасли ботаники в Югославии, представителя русского зарубежья Павла Ивановича Чернявского – избрание его членом-корреспондентом Сербской академии наук, а также лишение его этого звания на фоне продолжившегося советско-югославского конфликта. Внимание уделяется переломным с точки зрения научной деятельности и личной жизни годам пребывания ученого в социалистической Югославии – 1948–1950 гг. Случай Чернявского – иллюстрация и пример того, как в Югославии складывалась судьба представителей русской эмиграции в контексте советско-югославского конфликта 1948–1953 гг., а также того, как политика режима – Коммунистической партии Югославии – влияла на позиции и решения Сербской академии наук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЧЕРНЯВСКИЙ; СЕРБСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК; РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ; ЮГОСЛАВИЯ; СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЙ КОНФЛИКТ.

**П. И. Чернявский. 1938 год.
Государственный архив Сербии. Г-183. F-IV-37**

СВОЮ ИСТОРИЮ Сербская академия наук и искусств отсчитывает с 1841 года (Српска академија наука и уметности... 1987; Никић, Жујовић, Радојчић-Костић 2008; Српска академија наука и уметности... 2016: 15–100). Тогда же было учреждено Общество сербской словесности, вместе с Сербским ученым обществом стоявшее у истоков создания Академии и предшествовавшее основанию Сербской королевской академии в 1886 году (с 1947 – Сербская академия наук, с 1960 – Сербская академия наук и искусств) (Српска академија наука и уметности... 2016; Статут Српске академије наука и уметности 2020). Уже в 1842 году, действуя в соответствии с Уставом, Общество сербской словесности начало избирать действительными, членами-корреспондентами и почетными членами «мужчин, отличившихся ученостью» – ученых как сербских, так и иностранных (Уставъ Дружства српске словесности 1842: 185). Уже спустя две недели после назначения сербским князем Михаилом Обреновичем первых действительных членов, в июне того же года, на первых выборах в члены Общества сербской словесности избрали и иностранных ученых. Тогда же членом-корреспондентом общества стал философ, этнограф Николай Иванович Надеждин (1804–1856). Он станет первым ученым из Российской империи, удостоенным этого звания (Никић, Жујовић, Радојчић-Костић 2008: V, 210; Српска академија наука и уметности... 2016: 18, 21; Сорокина 2019: 236), одним из 47 русских, которые до начала Первой мировой войны стали членами Общества сербской словесности / Сербского ученого общества / Сербской королевской академии (Сорокина 2019: 236).

После Первой мировой войны в новом государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия) – научные заслуги русских ученых получили признание в Сербской королевской академии. Причем речь шла о тех специалистах, которые покинули свою родину после Октябрьской революции. Более чем сорока тысячам беженцев, прибывшим с 1919 по 1923 г. в Королевство СХС (среди которых около 75 % имели высшее и среднее образование), предоставляли не только убежище (Јовановић 1996). Почти сразу по прибытии в страну государство стало принимать русских специалистов на государственную службу, поскольку их высокие квалификации, знания и опыт были неизменно востребованными. Более ста русских профессоров и ученых преподавали в университетах королевства, из которых непосредственно

в Белградском университете трудоустроились более 70 человек (Јовановић 1996; Јовановић 2006). Вклад в науку 8 русских ученых-беженцев, 6 из которых являлись именно профессорами столичного университета, отметили в Сербской королевской академии. Они стали как членами-корреспондентами, так и действительными членами академии (Сорокина 2012: 69–77; Сорокина 2019: 234; Сорокина 2021). Их избрание, как правильно замечает М. Ю. Сорокина, «было своего рода демонстрацией корпоративной солидарности и их поддержки со стороны югославянского научного сообщества» (цит. по: Сорокина 2019: 237). Оказывать поддержку представителям русского зарубежья Сербская академия не прекратила даже по окончании Второй мировой войны, когда в связи с приходом Коммунистической партии Югославии к власти произошли значительные изменения в жизни не только Сербской королевской академии (Српска академија наука и уметности... 2016: 62–72), но и страны.

В этот период роль партии в жизни Академии была заметной (да и в предыдущие периоды роль политических элит страны была ощутимой) — она была закреплена Законом о Сербской академии наук 1947 года. Согласно этому акту, общее руководство Академией, главной задачей которой являлось «внесение вклада в подъем и развитие теоретических и прикладных наук, исследование и развитие достижений мировой научной мысли, внесение вклада в прогресс социального устройства Народной Республики Сербия и Федеративной Народной Республики Югославия и в благосостояние ее народов» (Годишњак Српске академије наука 1947: 1), осуществляло Правительство Сербии. Таким образом закон позволял властям влиять на выбор членов академии и тем самым на идейную позицию и ориентацию этого учреждения (Đimić 1988: 61).

С 1946 года, когда состоялись первые послевоенные выборы в Сербскую королевскую академию (Српска академија наука и уметности...2016: 66)¹, до 1991 года — распада СССР и Югославии — члена-

¹ До принятия данного закона официальным названием академии было «Сербская королевская академия», хотя накануне первой годовщины освобождения Белграда во Второй мировой войне в 1945 году по приказу «милиции района» со здания, где на этот момент располагалась академия, снесли табличку с надписью «Сербская королевская академия» и установили новую, на которой было написано: «Сербская академия наук». Отметим, что уже несколько лет до этого

П. И. Чернявский. 1927 год. Государственный архив Сербии. Г–183. F-IV-37

ми академии стали 9 представителей русского зарубежья (Сорокина 2019: 235). Среди них был Павел Иванович Чернявский (1892–1969), первый палеоботаник и основатель данной отрасли ботаники в Югославии (Ђорђевић Милутиновић 2022), имя которого нет в списках членов академии, поскольку его исключили из состава академии в связи с советско-югославским конфликтом.

события данное название использовалось и в документах (Српска академија наука и уметности... 2016: 65).

Павел Иванович Чернявский родился в 1892 году в Ростове-на-Дону. Он окончил естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета (со второго семестра специализировался по ботанике). Участвовал в Гражданской войне — с октября 1918 года служил в Дроздовском полку, получил ранение в Крыму и на транспорте с ранеными был вывезен в Грецию. В январе 1923 года Павел Иванович приехал в Белград (Сорокина 2021: 176; ГАРФ. Р-9526. Д. 234. Л. 96, 96 об)¹.

В октябре того же года Чернявский поступил в Белградский университет. Поскольку ему зачли 6 семестров, он окончил университет в 1924 году. Вскоре Павел Иванович был избран ассистентом Ботанического института Белградского университета. С 1925 по 1938 г. он служил при университете, в 1939 году перешел в Музей сербской земли — Музей естественной истории, где работал куратором Ботанического отделения. Павел Иванович работал по флористическому и ботанико-географическому исследованию и по палеоботанике (ГАРФ. Р-9526. Д. 234. Л. 96 об.), став, таким образом, первым палеоботаником и основоположником данной отрасли ботаники в Югославии (Ђорђевић Милутиновић 2022). В этот период он опубликовал немало научных работ, его статья по анабиозу *Ramonda Nathaliae* была даже напечатана в Москве в 1928 году в «Журнале Русского ботанического общества при Академии наук СССР» (ГАРФ. Р-9526. Д. 234. Л. 95; Чернявский 1928: 27–38). В межвоенное время Чернявский принял югославское подданство. В 1937 году под научным руководством геолога, профессора Белградского университета Владимира Дмитриевича Ласкарева (1868–1954), также русского эмигранта, Павел Иванович защитил свою докторскую диссертацию (Сорокина 2021: 176).

В преддверии Апрельской войны 1941 года — вторжения Германии, Италии и Венгрии в Югославию — Чернявский был мобилизован в Югославскую королевскую армию и, как и другие русские (Живанович 2021: 46–55), принял участие в войне (ДАС. Г-183. F-IV-37). Дошел почти до г. Сараево (ныне Босния и Герцеговина). После капитуляции Югославии 17 апреля 1941 года Павел Иванович вернулся в Белград. Во время оккупации Сербии немцами продол-

¹ Автор выражает глубочайшую признательность Н. А. Ёхине (Трубецкой) за предоставленные документы из Государственного архива Российской Федерации.

Фотография № 3: П. И. Чернявский — справа. 1943 год. Архив Сербской академии наук и искусств. Собрание Сергея Матвеева

жил работу в Музее сербской земли. Чернявский был одним из тех немногочисленных русских, которых в момент массового исключения их соотечественников со службы не уволили с работы, — тогда в некоторых министерствах оставляли очень нужных, и то женатых на сербах, к этой категории П. И. Чернявский и относился (ГАРФ. Р-9526. Д. 234. Л. 96 об.). Тем не менее в этот период он не сотрудничал с оккупационными властями (ДАС. Г-183. F-IV-37).

После освобождения страны Чернявский продолжил работу в музее. Однако уже 12 марта 1945 года Павел Иванович от своего имени и от имени дочери Светланы, ученицы Первой женской гимназии в Белграде, подал заявление на имя представителя Уполномоченного по репатриации при Совете народных комиссаров СССР о принятии в гражданство СССР и возвращении на Родину (ГАРФ. Р-9526. Д. 234. Л. 95). В своем заявлении ученый отметил: «Могу быть полезным по снабжению живым материалом для культур вос-

становливаемых ботанических садов Киева, Харькова, Воронежа, Ростова-на-Дону и Крыма, а для пострадавших Ботанических институтов гербарным, а частью и литературой, так как хорошо знаю Югославию в отношении ботанических ресурсов, как и лиц, которые бы могли содействовать этому делу» (ГАРФ. Р-9526. Д. 234. Л. 95). Потом добавил: «Совершенно искренно и без задней мысли высказаться и добиться прощения заявляю, что мои грехи не вызывались никогда какими-либо политическими мотивами. По своему происхождению и воспитанию был всегда на стороне народа. Только случайность забросила меня в противоположный лагерь. Жизнь вне Родины научила меня, что ее не оставляют, потому что вне ее мы не люди, мы парии, лишние люди всегда и всюду, что фашизм очень гибок и эластичен и представляет опаснейшего врага всего человечества и современной культуры и что Советский Союз дал единственный в истории пример освоения идеей всей нашей духовной и практической жизни, а своими достижениями подтвердил жизненность и реальность этой идеи. Для меня также совершенно ясно, что, не будь Великих Реализаторов этой идеи, Ленина и Сталина, моя родина была бы ныне рабским рынком и колонией для германского фашизма» (ГАРФ. Р-9526. Д. 234. Л. 95–95 обр.).

Мечта Чернявского стать гражданином СССР сбылась уже в 1946 году. Он был одним из примерно 1300 эмигрантов, которые до 26 сентября 1946 года в связи с публикацией указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Югославии» от 14 июня 1946 года получили паспорт после того, как явились в советское посольство, заполнили и потом подали заявление (Животич 2018: 33–34). Спустя всего два месяца после публикации этого указа, 8 августа 1946 года, Павел Иванович стал гражданином СССР. Документ был выдан заведующим консульским отделом посольства в Белграде Ивановым (ДАС. Г-183. F-IV-37) — тем самым, который подписал справку «О русской белой эмиграции в Югославии», приложенную к докладной записке посла СССР в Югославии И. В. Садчикова, датированной ноября 1945 года, в которой посольство предлагало народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову амнистировать и разрешить вернуться на родину «как тем эмигрантам, которые принимали участие в войне в рядах

Красной армии или народно-освободительного движения Югославии, так и тем, кто проявлял симпатии к СССР и Красной армии или содействовал в той или иной форме народно-освободительному движению Югославии» (Сорокина 2017: 120). Однако получением паспорта не решался вопрос возвращения Чернявского, да и подавляющего большинства бывших эмигрантов, в Советский Союз. Третьим пунктом инструкции СНК СССР «О порядке рассмотрения ходатайств о восстановлении в гражданстве СССР лиц, попадающих под действие указа Президиума Верховного Совета СССР...» четко прописывалось, что «лиц, принимаемых в советское гражданство в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от <14 июня> 1946 г., ввиду длительного их проживания в Югославии и обзаведения хозяйством, оставлять на жительство в Югославии» (Цит. по: Сорокина 2017: 123). Таким образом, въезд этих лиц в Советский Союз допускался после приобретения ими советского гражданства «лишь на общих основаниях, т. е. по визам, выданным с разрешения центра (НКВД)» (цит. по: там же).

Поэтому, несмотря на получение советского паспорта, Чернявский оставался в Югославии, а его карьера начала развиваться. В 1947 году по итогам конкурса его избрали экстраординарным профессором Сельскохозяйственно-лесного факультета Белградского университета. Тогда же стал и заведующим по контракту ботанического отделения Музея естественной истории (ДАС. Г-183. F-IV-37). В 1948 году ученый стал и экстраординарным профессором палеонтологии Естественно-математического факультета Белградского университета также по контракту (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 48), и научным сотрудником по контракту Института экологии и биогеографии, который по советскому образцу основали в 1947 году при Сербской королевской академии / Сербской академии наук (ДАС. Г-183. F-IV-37). В этот период П. И. Чернявский стал занимать высокие руководящие посты. Ученого назначили заместителем директора того же института (руководителем стал основатель экологии в Югославии (Янкович 1996: 4), действительный член академии и председатель Президиума Народной скупщины (Парламента) Народной Республики Сербия Синиша Станкович) (Наших 70 година 2017: 168). Важно отметить, что под текстом некоторых документов Музея естественной истории того же периода стояла подпись Чернявского вместо подписи директора, хотя в архиве это-

го учреждения нет документального подтверждения того факта, что он официально был назначен заместителем директора (Ђорђевић Милутиновић 2022)¹. Добавим, что его ученики, которые составляли биографию ученого, все-таки зафиксировали, что он находился на этой должности (Јанковић, Татић 2001: 263).

Пик научной карьеры Чернявского наступил в 1948 году, когда он был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук (САН). В этом году состоялись первые после принятия Закона о Сербской академии наук выборы (АСАНУ. АА. Записници седница Академије природних наука 537/1948). Согласно этому акту, Академия избирала членов-корреспондентов среди выдающихся ученых разных отраслей науки, причем разница между действительными и членами-корреспондентами была минимальной — и те и другие могли активно участвовать в работе как Общих собраний САН, так и заседаний отделения, а также в работе Академии, нацеленной на подготовку научных кадров. Важно отметить, что и те и другие могли быть членами разных ее отделений (Годишњак Српске академије наука 1947: 5–6).

Порядок и условия избрания членов Академии регулировал закон. Число как действительных, так и членов-корреспондентов утверждало правительство Сербии по предложению Академии. В «Служебном вестнике Народной Республики Сербия», официальном печатном органе республики, публиковалась информация о количестве вакансий. В течение двух месяцев со дня публикации сообщения о количестве вакансий отделения Академии ее отдельные члены, а также другие научные учреждения, общественные организации и отдельные научные работники выдвигали кандидатуры определенных лиц среди «выдающихся ученых» в члены академии — как в действительные, так и в члены-корреспонденты. Предложения подавались в письменной форме и должны были быть аргументированы должным образом. Они рассматривались на заседаниях соответствующих отделений и потом предоставлялись Общему собранию Академии. Само решение Общего собрания становилось действительным, только если Президиум Народной Скупщины Сербии в течение 15 дней со дня получения решения не возразил против

него. Важно напомнить, что законом предусматривалось и лишение звания действительного, почетного, а также члена-корреспондента за деятельность, «наносившую вред» Сербии и Югославии. Решение об этом принимало Общее собрание Академии (Годишњак Српске академије наука 1947: 7–8).

Кандидатуру Чернявского в члены-корреспонденты САН выдвинули на 6-м по очереди заседании Академии естественных наук, состоявшемся 10 марта 1948 года. На этом заседании, на котором проводилось выдвижение кандидатов в члены трех отделений: Отделения технических, Отделения естественно-математических и Отделения медицинских наук, — присутствовал и президент САН, славист Александр Белич. Еще до начала процесса выдвижения кандидатуры ученых он подчеркнул «желание Академии, чтобы в этот раз в Академию вошли люди, которые проявили себя в науке», напомнив при этом, что это должно касаться как действительных, так и членов-корреспондентов, поскольку, согласно новому закону, члены-корреспонденты приравнивались к действительным членам почти во всем, кроме принятия участия в голосовании при избрании кандидатов в академики (АСАНУ. АА. Записници седница Академије природних наука 537/1948).

На самом заседании порядок рассмотрения кандидатур был следующим: изначально рассматривались те кандидаты в члены-корреспонденты, которые не работали в САН, потом приступали к обсуждению кандидатов в действительные члены — таково было предложение заместителя президента САН, выдающегося ученого Милутина Миланковича, и оно было принято собравшимися. Согласно протоколу заседания, после зачитывания имен кандидатов на заседании приступили к дискуссии о каждом отдельном кандидате. По завершении дискуссии Миланкович сообщил имена избранных, среди них был и Павел Иванович Чернявский. Его кандидатуру в члены-корреспонденты поддержали единогласно (АСАНУ. АА. Записници седница Академије природних наука 537/1948).

В самом протоколе нет информации о том, кто выдвинул его кандидатуру. Однако в приложенных к нему документах это имя сохранилось. В составленном от руки перечне кандидатов в члены Отделения естественно-математических наук находится имя Павла

¹ Автор благодарит Д. Джорджевич Милутинович за помощь.

Ивановича Чернявского, рядом с его именем — имя вышеупомянутого Синиши Станковича (АСАНУ. АА. Записници седница Академије природних наука 537/1948), влиятельного ученого и политика. После войны он занимал высокие руководящие посты в стране — первого председателя Народно-освободительного фронта Белграда, а также Антифашистской скупщины народного освобождения Сербии — высшего органа законодательной и исполнительной власти в Сербии, затем председателя Президиума Народной Скупщины Сербии. Красноречив и тот факт, что именно С. Станковичу выпала честь прочитать Декларацию о провозглашении ФНРЮ 29 ноября 1945 года (Gulić 2012: 259–261).

Сами выборы академиков и членов-корреспондентов САН — 1948 были проведены на Главном ежегодном общем собрании членов САН, которое состоялось 18 марта 1948 года. Третьим пунктом повестки дня значился выбор действительных и членов-корреспондентов. Изначально избирали действительных членов, затем членов-корреспондентов. Согласно протоколу заседания, после зачитания реферата члены САН приступали к публичному голосованию каждого отдельного кандидата — результаты объявлял президент Академии Белич. Павел Чернявский, как и другие кандидаты в члены-корреспонденты, был избран единогласно членом-корреспондентом (АСАНУ. АА. Записник Главног годишњег скупа 437/1948).

К сожалению, в Архиве САНИ не сохранился реферат, поэтому неизвестно, кто его написал и как аргументировал свое предложение. Можем только предположить, что его автором был С. Станкович, который и выдвинул кандидатуру Чернявского. Важно напомнить, что тогда же действительными членами стали еще два представителя русского зарубежья: член-корреспондент САН, экстраординарный профессор Философского факультета в Белграде, византолог Георгий Александрович Острогорский и инженер-механик, ординарный профессор Технического факультета в Белграде Владимир Владимирович Фармаковский (АСАНУ. АА. Записник Главног годишњег скупа 437/1948).

Спустя четыре дня, 22 марта, на которое было назначено продолжение заседания Главного ежегодного общего собрания Академии, в соответствии с Законом о САН состоялось распределе-

ние членов Академии по отделениям, поскольку данным актом были внесены изменения в структуру и организацию Академии: вместо отдельных специализированных академий было учреждено шесть отделений (по областям науки) (Српска академија наука и уметности... 2016: 72, 74). Чернявского распределили в Отделение естественно-математических наук (АСАНУ. АА. Записник Главног годишњег скупа 437/1948).

Приветствие новоизбранных действительных членов, а также членов-корреспондентов Отделения естественно-математических наук САН, в том числе и П. И. Чернявского, состоялось в самом начале первого заседания этого отделения, которое проводилось 27 апреля 1948 года. Уже на этом же заседании Чернявский подал свою первую докладную записку, начав таким образом свою деятельность в САН: он предложил создать в стране Союзный ботанический институт по исследованию флоры. Это предложение приняли члены Отделения, решив при этом, что САН должна обратиться в Югославскую академию наук и искусств в Загребе, Словенскую академию наук, а также к Ботаническому институту в Скопье (Македония) с призывом согласовать будущие шаги по основанию данного института, а также собрать ботаников со всей страны, чтобы сформировать рабочую комиссию по разработке проектов по основанию института (АСАНУ. АА. Записници седница Одељења природно-математичких наука 538/1948). На следующем заседании рассматривалось решение Президиума САН об организации встречи ботаников Югославии, в рамках которой обсуждался бы вопрос исследования флоры. Тогда же члены Отделения попросили Чернявского заняться составлением рабочего документа и сформулировать свои предложения по организации данной встречи (АСАНУ. АА. Записници седница Одељења природно-математичких наука 538/1948). О дальнейших шагах по основанию Союзного ботанического института известно, что на пленарном заседании Президиума САН, состоявшемся в феврале 1949 года, постановили предложить Академическому совету ФНРЮ решить вопрос учреждения данного института (Годишњак Српске академије наука 1949: 47).

Если посмотреть частоту посещений заседаний Отделения естественно-математических наук САН Чернявским, сразу замечается его активное участие — он присутствовал на всех заседаниях

в 1948 году (АСАНУ. АА. Записники седница Одељења природно-математичких наука 538/1948). К тому же следует отметить, что он не присутствовал на внеочередном общем собрании САН, которое было создано в связи с принятием резолюции Информбюро июня 1948 года.

С конца 1944 — начала 1945 года — освобождения территории Югославии от оккупантов — СССР был главным внешнеполитическим союзником Югославии: Советский Союз всячески содействовал развитию ФНРЮ, официальный Белград поддерживал позиции Москвы по важнейшим международным вопросам в первые послевоенные годы и активно участвовал в проведении линии своего союзника, причем руководства Всероссийской коммунистической партии (большевиков) (далее — ВКП (б)) и Коммунистической партии Югославия (далее — КПЮ) взаимодействовали на учредительном совещании Комиинформа (Информационного бюро коммунистических и рабочих партий) в сентябре 1947 года (Гибианский 2014: 31–32). Однако уже в январе–феврале 1948 года начали осложняться отношения между двумя компартиями/странами (хотя небольшие ссоры возникали еще с 1945 года). Такое положение было связано с тем, что югославская сторона вела самостоятельную внешнюю политику, предпринимала определенные внешнеполитические усилия на Балканах, при этом не консультируясь с советской стороной, — в частности, речь шла о политике Белграда в отношении Албании, Болгарии и по вопросу о гражданской войне в Греции (Гибианский 1991а: 12–23; 1991b: 27–36; 1992а: 42–56; 1992b: 35–51). В итоге с конца марта до июня 1948 года ЦК ВКП(б) отправлял руководству КПЮ секретные письма, в которых последнее обвинялось в проведении антисоветской линии, в национализме, в переходе «на путь откола от единого социалистического фронта народных демократией с Советским Союзом», в отходе от марксизма-ленинизма (Гибианский 2014: 37; Димић 2014: 10). Итогом переписки и отвержения обвинений югославской стороной стало заседание Информационного бюро в Бухаресте, где представители коммунистических партий приняли резолюцию «О положении в Коммунистической партии Югославии». В данном документе Информбюро солидаризировался «с оценкой положения в Югославской компартии, критикой ошибок ЦК КПЮ и политическим анализом этих

ошибок, изложенных в письмах ЦК ВКП(б) к ЦК КПЮ за март — май 1948 г. Информбюро приходит к единодушному выводу, что своими антипартийными и антисоветскими взглядами, несовместимыми с марксизмом-ленинизмом, всем своим поведением и отказом явиться на заседание Информбюро руководители КПЮ противопоставили себя коммунистическим партиям, входящим в Информбюро, встали на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь измены делу международной солидарности трудящихся и перехода на позиции национализма. Информбюро осуждает эту антипартийную политику и поведение ЦК КПЮ. Информбюро признает, что в силу всего этого ЦК КПЮ ставит себя и Югославскую компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта и, следовательно, вне рядов Информбюро» (Сталин 2006: 648). Таким образом, как справедливо считает Л. Я. Гибианский, «югославское руководство было фактически объявлено врагом СССР и стран «народной демократии», Коминформа, общих основ политики компартий» (цит. по: Гибианский 2014: 37).

Вскоре после принятия данного документа по этому поводу высказались многие культурные и научные учреждения в Югославии, в том числе Югославская академия наук и искусств в Загребе и Словенская академия наук в Любляне. Президент САН А. Белич подчеркнул: «Необходимо, чтобы и наша Академия сделала то же самое, а то могли бы подумать, что мы занимаем нейтральную позицию в отношении нападков против нашей страны» (АСАНУ. АА. Ванредна скупштина 457/1948). На первом заседании Общего собрания Академии, состоявшемся после принятия резолюции — в сентябре 1948 года, Белич предложил, чтобы Академия сделала публичное заявление по данному вопросу. Текст обращения был заранее подготовлен Президиумом САН и потом единогласно принят на заседании. В нем САН публично заявила о поддержке и преданности югославской власти, отвергнув при этом все обвинения Москвы (АСАНУ. АА. Ванредна скупштина 457/1948).

Принятие резолюции Информбюро сказалось не только на отношениях между СССР и ФНРЮ, но и на разных сферах жизни жителей Югославии, в том числе и представителей русского эми-

грантского сообщества. На фоне начавшегося конфликта, спустя всего несколько дней после принятия данного документа — уже в начале июля 1948 года, начались репрессии в отношении русских эмигрантов (и не только)¹: их арестовывали, преследовали, обвиняя в деятельности в интересах зарубежных стран и против югославского государства (Животич 2018: 34–35). Эти репрессии коснулись как русских, которые приняли советское гражданство, так и тех, кто был югославским подданным. Они длились до середины 1950-х гг., причем с 1949 года притеснения русских ужесточились. Причиной было их гражданство.

Все бывшие эмигранты, которые были подданными Югославии, согласно Закону от 1 декабря 1948 года «О внесении изменений в Закон «О гражданстве ФНРЮ», должны были оптировать в югославское гражданство. Однако, несмотря на поданные заявления, значительной части русских власти так и не выдали соответствующие документы, в результате чего они остались без гражданства. С другой стороны, советских граждан принуждали покинуть страну в кратчайшие сроки или предлагали принять югославское гражданство (Тимофеев, Живановић 2021).

По сведениям первого секретаря посольства СССР в Белграде В. С. Семенова, полученным в ходе беседы с профессором Белградского университета Н. Н. Алексеевым, в июне 1949 года органы Управления государственной безопасности «повсеместно вызывают к себе советских граждан на допросы и предлагают перейти в югославское гражданство. Менее устойчивые лица соглашались с предложением о принятии югославского гражданства, но большинство советских граждан еще держится, несмотря на принятие к ним со стороны югославских органов репрессивных мер в виде увольнения с работы, ареста и предписаний о въезде за пределы Югославии» (Советский фактор в Восточной Европе... 2002: 119). Спустя всего полгода власти приступили к новым, более жестким мерам — к массовому принудительному выселению советских граждан из Югославии. По словам секретаря Консульского от-

¹ Репрессии коснулись прорусски настроенных жителей страны, в первую очередь сербов, склонных к национальному усвоению идей коммунизма (Тимофеев 2019: 295).

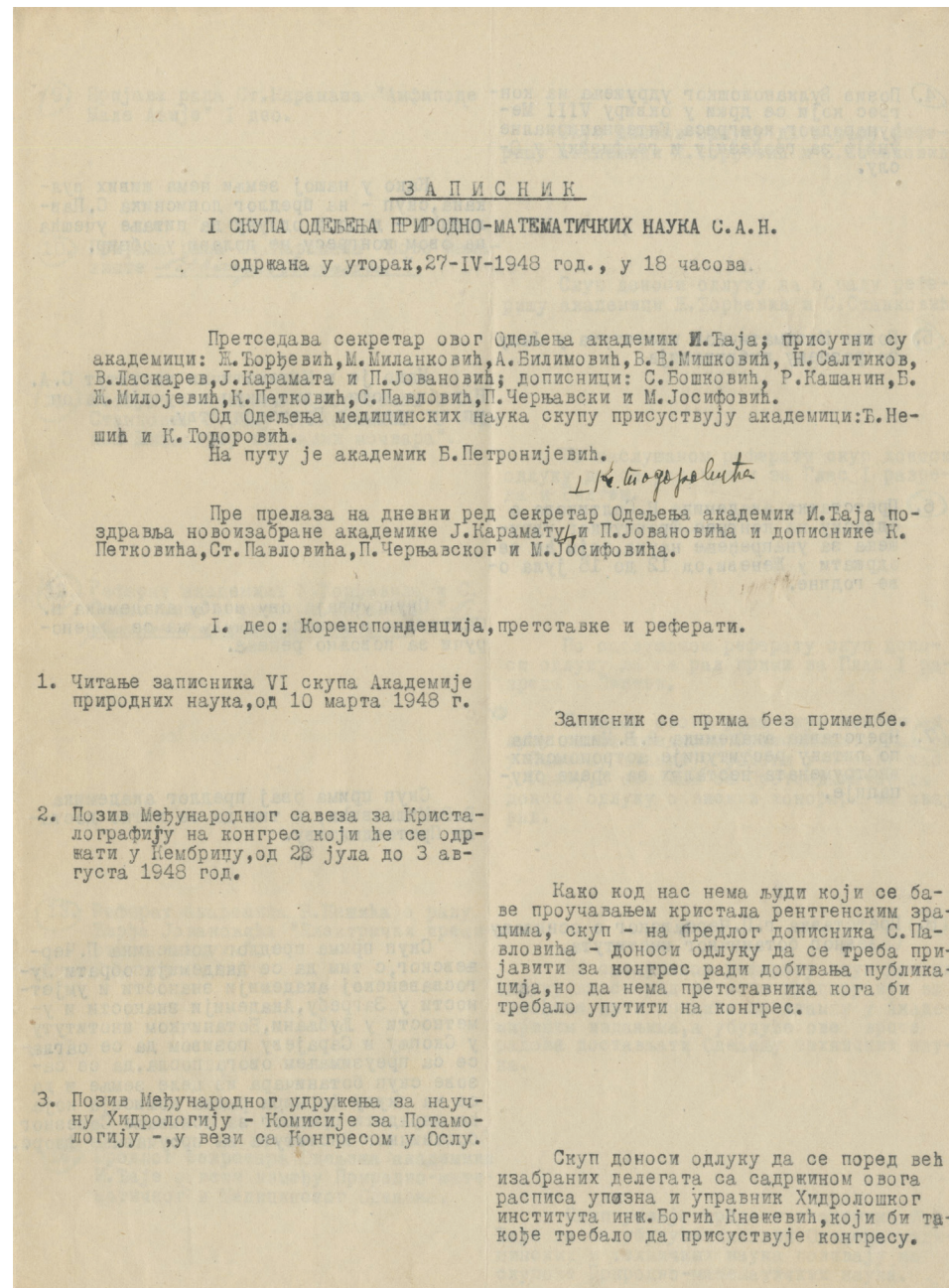
дела посольства СССР в Белграде Ханова, русских ставили перед выбором: «...либо принимаете югославское гражданство, либо мы вас выселим» или «...либо сделайте антисоветское заявление, и тогда вас оставят в покое, либо выкидывайтесь из Югославии». Выселяемым обычно давался срок от 10 до 5 дней, иногда срок точно не устанавливали. За это же время никто из них никаких выездных виз получить не успевал. Это влекло за собой арест и принудительную высылку без вещей (Восточная Европа в документах российских архивов... 1998: 285–286). Русские семьи депортировали в соседние страны: Венгрию, Румынию и Болгарию, в Триесте (Италия) существовал лагерь перемещенных лиц (Гимназия в лицах... 2018: 26).

Согласно Регистру лиц, осужденных за сочувствие резолюции Информбюро, число осужденных русских — югославских подданных составляло 107 — первого арестовали в августе 1948, последнего — в апреле 1955 года, причем большинство — в 1949–1951 гг. (Заточеници Голог Отока... 2016: 22–26; Тимофеев, Живановић 2021). Однако поскольку речь идет о неполном списке лиц, пострадавших от репрессий титовского режима против сторонников СССР в 1940–1950-е гг. (опубликованный список был составлен после нормализации отношений с СССР, в результате чего число осужденных сократилось с 55 000 до 16 000 югославских граждан), истинное число русских, осужденных за реальные или мнимые симпатии к СССР, было намного больше, чем приведенное число (Тимофеев 2019: 298, 300; Тимофеев, Живановић 2021). Исследователь истории русской эмиграции в Югославии Алексей Борисович Арсеньев привел цифру в двести человек, которые оказались в печально известном концлагере Голи Оток и в югославских тюрьмах (Гимназия в лицах... 2018: 26). При этом по данным Министерства внутренних дел Югославии, к середине 1949 г. в стране жили 13 057 русских, из которых 5874 имели советское гражданство, 6887 — югославское, а 296 не имели подданства (Гимназия в лицах... 2018: 25–26).

В тот же самый период — с середины 1948 до конца 1949 года — Павел Иванович Чернявский продолжил работать в Музее естественной истории в Белграде, Институте экологии и биогео-

графии, а также на Сельскохозяйственно-лесном факультете Белградского университета, а также присутствовал на собраниях Отделения естественно-математических наук САН. Важно отметить, что в 1948 году Чернявский стал одним из первых лауреатов только что учрежденной премии «7-е июля». Данную премию в 1948 году учредило Правительство Народной Республики Сербия по случаю годовщины коммунистического восстания на территории оккупированной немцами Сербии в 1941 году. Премия присуждалась за научные результаты. По сведениям прессы, «в интересах экономического и культурного развития, а также социалистического строительства» правительство, по предложению САН, Министерства просвещения, Комитета по делам научных учреждений, университета и вуза, Министерства сельского хозяйства, Главного комитета единого профсоюза Сербии, приняло решение наградить ученых, работников культуры, а также рабочих. Павел Иванович получил премию в 40 000 динаров за научные исследования типов лесных сообществ в Сербии, за исследование балканского бука (Награде Владе... 1948: 4). Следует отметить, что тогда же наградили и еще трех представителей русского зарубежья: орнитологов, научных сотрудников Института экологии: Бориса Михайловича Петрова, и Сергея Дмитриевича Матвеева, а также почвоведом Виктора Карловича Нейгебауэра (Јовановић 1948: 3, 5).

В июне 1948 года Чернявский стал и членом Ученого совета Института экологии и биогеографии — решение было принято на заседании Отделения естественно-математических наук. Его кандидатуру выдвинул опять С. Станкович (АСАНУ. АА. Записники седница Одељења природно-математичких наука 538/1948). В марте 1949 года на Главном ежегодном Общем собрании САН Чернявский был избран членом Совета по изучению природных ресурсов и развитию производительных сил страны. Его кандидатуру, как и остальных членов, выдвинул Президиум Академии (АСАНУ. АА. Записник Главне скупштине академије 438/1949). Еще до начала 1949 года Павел Иванович стал членом и Ученого совета Института по защите и научному исследованию природных редкостей (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 27). В июне 1949 года на первом, торжественном, заседании Совета Лесного факультета Белград-

Протокол 1-го по очереди заседания Отделения естественно-математических наук 1948 года. Архив Сербской академии наук и искусств. Административный архив

ского университета его избрали членом «рабочего» президиума. Тогда же ученый стал и его председателем, отметив при этом, что «основание нового факультета — это новое, большое достижение в развитии лесного хозяйства и лесной науки Сербии» (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 42). В ноябре 1949 года решением Комитета по делам научных учреждений, университета и вуза ученый также был назначен заведующим кафедрой ботаники (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 20). Одно время Чернявский был и директором Ботанического института при Сельскохозяйственно-лесном факультете (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 18).

В конце 1949 года политические взгляды Чернявского, а также его научная работа и деятельность были положительно оценены партийными органами. В характеристике от 20 декабря 1949 года, написанной для бюро партийной организации профессоров Белградского университета Коммунистической партии Сербии, отмечалось, что во время войны Павел Иванович отказался от сотрудничества с оккупантами, занимал правильную позицию. После войны «активно участвовал в восстановлении страны» (ДАС. Г-183. F-IV-37). Здесь говорилось: «Открыто занимает правильную позицию в отношении народной власти» (ДАС. Г-183. F-IV-37) как на работе, так и вне ее, «любит современность». «В науке усваивает основы марксизма-ленинизма и хорошо с ними знаком. Активно участвует в дискуссиях по всем вопросам на собраниях профессоров, организуемым объединением преподавателей. В совете факультета пользуется хорошей репутацией и отстаивает линию партии по всем вопросам» (ДАС. Г-183. F-IV-37). В характеристике отмечалось, что Чернявский — среди «наших лучших палеоботаников и флористов». Также указывалось, что он опубликовал немалое число научных статей, при этом отмечалось, что у него есть и значительное число неопубликованных работ. «Он проявляет большую приверженность научной деятельности, есть надежда на то, что в будущем ему удастся добиться еще больше научных достижений в данной научной отрасли» (ДАС. Г-183. F-IV-37), — зафиксировал автор записи.

Научная деятельность П. И. Чернявского была представлена в положительном ключе и в недатированной характеристике про-

фессора Сельскохозяйственного факультета, которая сохранилась в его личном деле. Отмечалось, что он — настоящий эксперт, признанный ученый (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 48). Однако, с другой стороны, указывалось, что после принятия резолюции Информбюро в личной беседе Павел Иванович сказал: «Представьте себе, как мне как советскому гражданину грустно, что дошло до этого» (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 48). По словам автора, Павел Иванович еще раз в ходе личной беседы высказался по поводу данной резолюции, отметив, что он как советский гражданин находится в «очень деликатном положении». После подобных комментариев, как утверждает автор характеристики, ученый больше ни с кем не разговаривал по вопросу резолюции. В отличие от вышецитируемой характеристики, здесь отмечается, что Чернявский избегает заседаний профсоюзов и объединения профессоров, на которых явно обсуждается резолюция. Также говорится о том, что на торжественном открытии учебного года (к сожалению, неизвестно какого), когда при упоминании И.-Б. Тито все встали и послышались продолжительные аплодисменты, Чернявский встал, но не аплодировал (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 48). В 1950 году он станет и жертвой репрессий титовского режима.

Согласно воспоминаниям ученика Павла Ивановича М. Янковича, в послевоенное время Чернявского (а также других сотрудников музея) унижала его коллега, член партии (Янкович 1996: 10). Она утверждала, что русский народ изгнал Чернявского с родины как преступника, обвиняя при этом его в предательстве своего — русского — народа, а также в участии в войне против большевиков. Коллега угрожала, что о его якобы неправильных взглядах на СССР, Россию, Красную армию, Сталина узнают представители СССР в стране. Важно отметить, что ситуация изменилась к лучшему после реакции со стороны Министерства просвещения — о происшедшем в музее это ведомство уведомил Янкович (Янкович 1996: 10).

Несмотря на данные унижения, работать в музее Чернявский продолжил до 1950 года. На должности руководителя Ботанического отдела музея, хотя по собственному желанию с середины ноября 1949 года по начало 1950 года он был освобожден от этой должно-

сти (АПМ. № 1792)¹, ученый останется до 2 ноября 1950 года, когда он сложит свои Уполномочия. Причиной была высылка из страны.

По словам ученика Чернявского, который станет академиком САНИ, Николы Пантича, причиной для высылки Чернявского с семьей из Югославии было членство его дочери Светланы в группе, которая поддерживала резолюцию Информбюро (Письмо Д. Джорджевич Милутинович автору)², а точнее, обвинение в «сговоре против государства и народа» (Ђорђевић Милутиновић 2022). В вышеупомянутой недатированной характеристике на Чернявского автор зафиксировал, напомнив при этом, что речь шла о неподтвержденной информации, что Светлана Чернявская была членом КПЮ, однако «ее недавно исключили из партии, поскольку заявила, что она гражданка СССР и должна придерживаться инструкций советского посольства» (ДАС. Г-189. Оп. 13. Д. 48). Поставленный перед выбором, а скорее, речь шла об ультиматуме властей — арест дочери или высылка (Ђорђевић Милутиновић 2017: 91), Чернявский сделал единственный правильный выбор. Ему предложили взять югославский паспорт, но, по некоторым сведениям, если бы он это сделал, то могли бы арестовать его дочь (письмо Д. Джорджевич Милутинович автору).

На основании того, что в своем письме от 2 ноября 1950 года Чернявский уведомил руководство музея о том, что он покинет Югославию в конце месяца (АПМ. № 1554 обр.)³, можем предположить, что ему дали как минимум двадцать дней для отъезда из страны.

Сама дата отъезда Чернявского из Югославии не совсем известна. По-видимому, он произошел между 9 ноября и 7 декабря 1950 года. Согласно опубликованному в «Ежегоднике Сербской

¹ Автор благодарит Д. Джорджевич Милутинович за предоставленные документы.

² Автор благодарит Д. Джорджевич Милутинович за информацию. Никола Пантич позже встречался со Светланой Чернявской. Он рассказывал, что дочь Чернявского чувствовала себя виноватой в том, что их выгнали из страны (письмо Д. Джорджевич Милутинович автору).

³ Послание заканчивалось призывом: «С. Ф. С. Н.» (аббревиатура клича югославских партизан «Смерть фашизму, свободу — народу»).

академии наук — 1950» протоколу заседаний Отделения естественно-математических наук (поскольку в Архиве САНИ нет подлинного документа), ученый присутствовал на заседании отделения 9 ноября 1950 года (Годишњак Српске академије наука 1950: 205), однако его имени нет среди тех, кто присутствовал на следующем — окончательном — заседании в этом году, которое состоялось 7 декабря (Годишњак Српске академије наука 1950: 205–206). В то же время в документе от 23 ноября 1950 года, подписанном директором Музея естественной истории, указано, что «в связи с тем, что д-р Чернявский Павел, советский гражданин, по приказу наших властей, должен покинуть Югославию, он освобожден от должности руководителя Ботанического отдела этого музея по контракту» (АПМ. № 1554), и можно уточнить, что его отъезд состоялся после 23 ноября. А в сохранившейся регистрационной карте П. И. Чернявского — речь идет о документе, выдаваемом лицу, сделавшему регистрацию в Белграде, — содержится информация о том, что он выехал 5 декабря 1950 года (Историјски архив Београда. Ф. 1. Управа града Београда. Централно одељење — Картотека житеља града Београда и Земуна).

Чернявский с семьей, женой-сербкой и дочерью, выехал в Болгарию. Пантич вспоминал, что он был единственным человеком, который имел храбрость проводить ученого и его семью до главного белградского вокзала. При прощании Павел Иванович попросил Пантича не публиковать результаты исследования беранского¹ собрания растений, а дожидаться его возвращения в Югославию (Ђорђевић Милутиновић 2017: 91).

Как было указано выше, еще до его высылки из страны — 23 ноября 1950 года — Чернявский был освобожден от должности руководителя Ботанического отдела Музея естественной истории в Белграде по контракту. К сожалению, неизвестно, когда произошло исключение Чернявского из состава САН. Дело в том, что случай ученого не рассматривался на заседаниях Общего собрания Академии — данный вопрос не фигурировал в повестке дня заседаний как в 1950, так и в 1951 году, или, возможно, он не вошел в протокол отдельного заседания (они хранятся в Архиве САНИ).

¹ Беране — город в Черногории.

Отметим, что аналогичный случай произошел сразу после освобождения Югославии — тогда из состава Академии исключили президента Сербской королевской академии с 1928 по 1930 гг., председателя правительства Югославии в изгнании Слободана Йовановича вместе с еще двумя членами Академии. Решение об их исключении также не было принято, точнее, не рассматривалось на Общем собрании академии (Ђирковић 1998). В 1945 году их имена просто исчезли из списков членов Академии. Важно отметить, что имя С. Йовановича вновь появилось в перечне умерших членов Академии, опубликованном в «Ежегоднике Сербской академии наук и искусств — 1970» (Ђирковић 1998; Marković 2005: 32–56).

С другой стороны, следует отметить случай члена Академии, представителя русского зарубежья, правоведа Евгения Васильевича Спекторского. В 1930–1940-е годы Спекторский был ординарным профессором по контракту на юридическом факультете Университета в Любляне, в 1934 году он стал членом-корреспондентом Сербской королевской академии. В Университете контракт Спекторского регулярно продлевали до августа 1945 года, когда Евгений Васильевич был снят с этой должности решением правительства Словении (Брглез, Селяк 2008: 214). Вскоре он уехал из страны (Сорокина 2021: 176), однако его имя не исчезло из списка членов Академии. В 1947 году Спекторский числился как иностранный член-корреспондент (Годишњак Српске академије наука 1947: 395), в 1950 году — как член-корреспондент, не входивший в число занятых, причем было указано, что он является профессором Университета в Любляне (Годишњак Српске академије наука 1950: 13).

Важно напомнить, что решение о высылке из страны было принято и в отношении еще одного члена Академии — причем действительного — византолога Георгия Острогорского. Но в данном случае решение было отменено в тот момент, когда Острогорский с женой добрались до югославской границы (письмо А. Г. Острогорского автору).

Можем предположить, что при принятии решения об исключении П. И. Чернявского из состава САН Академия руководство-

валась нормой статьи Закона о САН 1947 года, предусматривавшей лишение звания члена-корреспондента или действительного члена за деятельность, «наносившую вред» Сербии и Югославии. Данная статья (и ее внесение в закон) свидетельствовала о влиянии политики на Академию и роли титовского режима в жизни данного учреждения.

Принятие решения об исключении Чернявского из состава САН отразилось в списке членов Академии — его имя вычеркнули из всех перечней, в том числе и из публикуемых с 1947 по 1950 г. в «Ежегодниках Сербской академии наук». Его имя исчезло и из опубликованного в выпуске «Ежегодника Сербской академии наук — 1947» протокола заседания Общего собрания Академии, на котором он, собственно, и был избран (Годишњак Српске академије наука 1947: 388), а также из протоколов заседаний Отделения естественно-математических наук, состоявшихся в 1948 году, — согласно подлинным документам протоколов заседания Отделения он присутствовал на всех. В опубликованных в «Ежегодниках» протоколах заседаний этого Отделения, которые состоялись в 1948–1949 гг., его имя вообще не упоминалось — либо просто вычеркнули или те пункты повестки дня заседаний, в рамках которых ученый сделал какие-то предложения, или его имя, либо упоминали лишь его должность заместителя руководителя Института экологии и биогеографии, но без указания его имени и фамилии (Годишњак Српске академије наука 1948: 131–134; Годишњак Српске академије наука 1949: 143, 156). Так, например, в одном из протоколов указывалось: «На заседании приняли решение, чтобы о работе написали (подчеркнуто мной. — М. Ж.) реферат член-корреспондент М. Йосифович» (Годишњак Српске академије наука 1948: 133).

Одно из малочисленных сохранившихся упоминаний Чернявского как члена-корреспондента Академии находится в выпуске «Ежегодника Сербской академии наук — 1948» (Годишњак Српске академије наука 1948: 28–29) — в отделе, где опубликованы списки сотрудников институтов при САН. В следующем выпуске его имени нет среди членов Отделения естественно-математических наук, присутствовавших на заседаниях отделения, причем ни разу (Годишњак Српске академије наука 1949: 143, 145, 146, 147, 148, 150–152, 155, 157, 159, 162), хотя, согласно протоколам заседаний,

он принимал участие почти во всех заседаниях, состоявшихся в этом году. Парадокс в том, что, с другой стороны, в выпуске «Ежегодника — 1950» имя Чернявского не вычеркнули из протоколов заседаний отделения, состоявшихся в этом году (Годишњак Српске академије наука 1950: 187, 190, 192, 194, 195, 196, 197, 200, 202, 203, 204, 205).

В опубликованном протоколе заседания отделения, состоявшемся 7 декабря 1950 года, имя профессора Чернявского — причем без звания члена-корреспондента — упоминалось в 18-м пункте повестки дня заседания с упоминанием, что он покинул страну и необходимо избрать другого члена комиссии по делу о принятии докторской диссертации к защите (Годишњак Српске академије наука 1950: 207).

По высылке из Югославии П. И. Чернявский с семьей оказался в Болгарии. С 1951 по 1960 г. он работал старшим научным сотрудником Института леса Болгарской академии наук. В 1960 году П. И. Чернявский вернулся в СССР, где начал работать старшим научным сотрудником отдела селекции и семеноводства во Всесоюзном научно-исследовательском институте агролесомелиорации в Волгограде (ВНИАЛМИ) (Янкович, Татић 2001: 264; Сорокина 2021: 176; Геологи российского зарубежья... 2021: 249).

Согласно воспоминаниям С. Н. Крючкова, главного научного сотрудника лаборатории селекции, семеноводства и питомниководства ФНЦ агроэкологии РАН, Чернявский «обладал высокой эрудицией в области биологии, анатомии, ботаники, селекции и генетики, его звали “ходячей энциклопедией”. Охотно оказывал консультации коллегам, студентам, аспирантам». В период работы во ВНИАЛМИ Павел Иванович осуществлял исследования по биологической оценке естественных популяций дуба черешчатого на южной границе ареала. Ученый был инициатором создания дендрария ВНИАЛМИ, осуществлял руководство его созданием в 1965–1968 гг. В дендрарии Павел Иванович заложил географические культуры дуба из желудей разных форм, экотипов и географических происхождений России. У фасадной части здания института он лично посадил два дуба в 1965 году, за которыми

до сих пор ведется мониторинг роста и плодоношения (письмо С. Н. Крючкова)¹.

По словам Крючкова, в конце 1968 года здоровье ученого ухудшилось, особенно его удручали поездки в транспорте на работу и обратно в переполненном автобусе. После увольнения Чернявский принял решение вернуться в Болгарию, где проживала его семья². Однако ему этого не удалось сделать. В феврале 1969 года ученого не стало (письмо С. Н. Крючкова). Профессор Софийского университета Платон Васильевич Чумаченко вспоминал рассказы Светланы Чернявской о том, «что во время похорон невозможно было вырыть могилу, так как земля замерзла очень глубоко. Тогда его сотрудники взяли сами ночью копать могилу. Они разводили костры, чтобы земля понемножку согревалась и позволяла копать» (Белоэмигранты в Болгарии... 2013: 624). П. И. Чернявского похоронили на городском кладбище «Даргоре» Ворошиловского района города Волгограда (письмо С. Н. Крючкова).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / под редакцией В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова. — Москва : Новые печатные технологии ; Синержи, 2013. — 794 с. — ISBN 978-5-905742-39-2.
2. Брглез А., Селяк М. Россия в Словении. Русские преподаватели в Люблянском университете в период с 1920–1945 гг. / А. Брглез, М. Селяк. — Ljubljana : Institut za civilizacijo in kulturo, 2008. — 263 с. — ISBN 961-655-418-3.
3. Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Том 2 / под редакцией Г. П. Мурашко. — Москва ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. — 1004 с. — ISBN 5-87550-069-7.
4. Геологи российского зарубежья: судьбы и вклад в мировую науку. Научно-энциклопедический сборник по истории геологии / под редакцией П. Чумаченко, О. Дитл. — Штутгарт : Самиздат О. Дитл, 2021. — 557 с. — ISBN: 978-3-9823627-1-7.

¹ Автор выражает глубочайшую признательность Андрею Валерьевичу Солонкину, заместителю директора ФНЦ агроэкологии РАН за помощь.

² Данную информацию подтвердила и его внучка С. Николкова.

5. **Гибианский, Л. Я.** К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года / Л. Я. Гибианский // Советское славяноведение. — 1991. — № 3 (27). — С. 12–23.

6. **Гибианский, Л. Я.** К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года / Л. Я. Гибианский // Советское славяноведение. — 1991. — № 4 (27). — С. 27–36.

7. **Гибианский, Л. Я.** К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года / Л. Я. Гибианский // Советское славяноведение. — 1992. — № 1 (28). — С. — 42–56.

8. **Гибианский, Л. Я.** К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года / Л. Я. Гибианский // Славяноведение. — 1992. — № 3 (1). — С. 35–51.

9. **Гибианский, Л. Ю.** Предисловие / Л. Ю. Гибианский // Југо-сластија — СССР: сусрети и разговори на највишем нивоу руково-дилаца Југославије и СССР: 1946–1964. Том 1. / приређ. Љ. Димић, Л. Гибијански. — Београд : Архив Југославије, 2014. — С. 27–46.

10. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Бел-граде (1920–1944) / сост. А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаев-ский. Кн. I. — Белград : Архив Сербской Православной Церкви : Центр российских и восточно-славянских исследований им. Мирослава Йовановича Философского факультета Белградского Университе-та ; Москва : Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. — 638 с. — ISBN 978–86–89577–17–4.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. Р-9526 : Управление Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации. 1944–1953. — Оп. 1. — Д. 234. — Л. 95–95 об., 96–96 об.

12. **Живанович, М.** «Я почувствовал себя сербом...» Русские эмигранты в Апрельской войне 1941 года / М. Живанович // Военно-исторический журнал. — 2021. — № 9 (66). — С. 46–55.

13. **Животич, А.** Югославско-советский конфликт и положение русской эмиграции в Югославии (1948–1953 годы) / А. Животич // Славяноведение. — 2018. — № 1 (27). — С. 30–42.

14. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2 то-мах. Документы. Том 2. 1949–1953 гг. / под редакцией Т. В. Волоки-тиной. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 926 с. — ISBN 5–8243–0009–7.

15. **Сорокина, М. Ю.** И. Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969): К истории возвращения в СССР / М. Ю. Сорокина // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. — 2017. — № 7 (7). — С. 114–128.

16. **Сорокина, М. Ю.** Пересекая границы: российские ученые-эмигранты — члены Сербской академии наук и искусств / М. Ю. Со-рокина // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.) / под редакцией Б. Станковича. — Белград : Сла-вистическое общество Сербии, 2012. — С. 69–77.

17. **Сорокина, М. Ю.** Русский адрес Белграда: Профессора Бел-градского университета / М. Ю. Сорокина. — Москва : Дом рус-ского зарубежья им. Александра Солженицына, 2021. — 194 с. — ISBN 978–5–206–01058–9.

18. **Сорокина, М. Ю.** Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке / М. Ю. Сорокина // Столетие двух эмиграций. 1919–2019. Сборник статей / ред. А. Ю. Тимофеев. — Москва : Институт славяноведения РАН ; Белград : Информатика, 2019. — С. 229–238.

19. **Сталин, И. В.** Сочинения. Том 18. — Тверь : Информационно-издательский центр «Союз», 2006. — 786 с. — ISBN 5–51163–002–8.

20. **Тимофеев, А. Ю.** Сломанные судьбы. 1948–1953 гг. Репрессии первого послевоенного десятилетия против русской эмиграции в Югославии (по материалам Управления государственной безопасности) / А. Ю. Тимофеев // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. — 2019. — № 9 (9). — С. 294–311.

21. **Чернявский, П.** Анабиоз Ramonda Nathaliae Panč-Petr. / П. Чернявский // Журнал Русского ботанического общества при академии наук СССР. — 1928. — № 1–2 (13). — С. 27–38.

22. Архив Природњачког музеја (Архив Музея естественной ис-тории).

23. Архив Српске академије наука и уметности (Архив Сербской академии наук и искусств — АСАНУ). — Ф. Административна архива (Административный архив).

24. Годишњак Српске академије наука 1947. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1948. — 656 с.

25. Годишњак Српске академије наука 1948. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1951. — 295 с.

26. Годишњак Српске академије наука 1949. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1951. — 386 с.

27. Годишњак Српске академије наука 1950. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1951. — 588 с.

28. **Gulić, M.** Siniša Stanković i Drugi svjetski rat / M. Gulić // *Intelektualni i rat 1939.–1947. Zbornik radova s Desničinih susreta 2012.* Dio 1. / ur. D. Roksandić. — Zagreb : FF Press, Filozofski fakultet, 2013. — S. 251–264.

29. **Dimić, Lj.** Agitprop kultura. Agitpropovska faza kulturne politike u Srbiji 1945–1952 / Lj. Dimić. — Beograd : Rad, 1988. — 295 s. — ISBN 86–09–00104–0.

30. **Димић, Љ.** Предговор / Љ. Димић. — Текст : непосредственный // *Југославија — СССР: сусрети и разговори на највишем нивоу руководилаца Југославије и СССР: 1946–1964. Том 1 / приређ. Љ. Димић, Л. Гибијански.* — Београд : Архив Југославије, 2014. — С. 5–25.

31. Државни архив Србије (Государственный архив Сербии — ДАС). — Ф. Г–183 : Министарство просвете Народне републике Србије. 1945–1951. (Министерство просвещения Народной Республики Сербия). — F-IV-37.

32. ДАС. — Ф. Г–189 : Комитет за научне установе, универзитет и високе школе Народне Републике Србије — Београд. 1947–1950. (Комитет по делам научных учреждений, университета и вуза Народной Республики Сербия — Белград). — Оп. 13. — Д. 18, 20, 27, 42, 48.

33. **Ђорђевић Милутиновић, Д.** Омаж великом пријатељу Природњачког музеја академику Николи Пантићу 1927–2002. Симпозијум „Никола Пантић — човек и природа у спирали времена“ 90 година од рођења научника / Д. Ђорђевић Милутиновић // *Годишњак. Природњачки музеј у Београду–2017.* — Београд : Природњачки музеј, 2019. — С. 88–92.

34. **Ђорђевић Милутиновић, Д.** Павле Иванович Черњавски / Д. Ђорђевић Милутиновић // *Природњачки музеј у Београду.* — Београд : Природњачки музеј, 2022.

35. Заточеници Голог Отока: регистар лица осуђиваних због Информбироа: документ Управе државне безбедности ФНР Југославије / прир. Д. Михаиловић, М. Јовановић, Г. Милорадовић, А. Тимофејев. — Београд : Архив Србије : Институт за савремену историју, 2016. — 527 с. — ISBN 978–86–81511–95–4.

36. Историјски архив Београда (Исторический архив Белграда). — Ф. 1 : Управа града Београда. Централно одељење — Картотека житеља града Београда и Земуна (Управление города Белграда. Центральное отделение — Картотека граждан, живущих в Белграде и Земуне).

37. **Јанковић, М. М.** Неколико уводних речи уз први број «Коментарамонитора» / М. М. Јанковић // *Коментарамонитор.* — 1996. — № 1–2 (1). — Јануар. — С. 1–16.

38. **Јанковић, М. М., Татић, Б. Б.** Павле Ивановић Черњавски / М. М. Јанковић, Б. Б. Татић // *Живот и дело српских научника* / ур. М. Сарић. — Београд : Српска академија наука и уметности, 2001. — С. 261–286.

39. **Јовановић, М.** Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. / М. Јовановић. — Београд : Стубови културе, 1996. — 386 с.

40. **Јовановић, М.** Руска емиграција на Балкану (1920–1940) / М. Јовановић. — Београд: Чигоја, 2006. — 559 с. — 978–86–7558–405–6.

41. **Јовановић, П.** Награде Владе Народне Републике Србије за научни рад у 1947/48 год. / П. Јовановић // *Наука и природа.* — 1947. — Септембар. — С. 3–6.

42. **Marković, S. G.** Srpske naučne ustanove u službi deifikacije jugoslovenskog diktatora / S. G. Marković // *Hereticus.* — 2005. — № 1 (3). — S. 32–56.

43. Награде Владе Народне Републике Србије // *Борба.* — 1948. — 7. јул. — С. 4.

44. Наших 70 година: Универзитет у Београду, Институт за биолошка истраживања «Синиша Станковић» / ур. П. Павловић, М. Михаиловић, М. Пауновић. — Београд : Институт за биолошка истраживања «Синиша Станковић», 2017. — 231 с. — 978–86–80335–06–3.

45. **Никић Љ., Жујовић Г., Радојчић-Костић Г.** Грађа за биографски речник чланова Друштва српске словесности, Српског ученог друштва и Српске краљевске академије: 1841–1947 / Љ. Никић, Г. Жујовић, Г. Радојчић-Костић. — Београд : САНУ, 2008. — 409 с. — ISBN 978–86–7025–453–4.

46. Српска академија наука и уметности: 175 година: 1841–2016 / ур. Д. Оташевић. — Београд : Српска академија наука и уметности, 2016. — 181 с. — ISBN 978–86–7025–702–3.

47. Српска академија наука и уметности 1886–1986 / ур. С. Ђелић. — Београд : САНУ, 1987. — 198 с.

48. Статут Српске академије наука и уметности (пречишћен текст). — Београд : Српска академија наука и уметности, 2020. — 31 с.

49. Тимофејев, А., Живановић, М. Руска емиграција у Београду од 1920-х до 1950-их. Уводна студија за каталог изложбе / А. Тимофејев, М. Живановић. — Београд : Историјски архив Београда, 2021. — 179 с. — ISBN 978-86-80481-54-8.

50. Уставъ Дружства србске словесности // Новине србске. — 1842. — № 24. — 13. јун. С. 185.

51. Ћирковић, С. Слободан Јовановић — академик и председник Академије / С. Ћирковић // Слободан Јовановић — личност и дело: зборник радова са научног скупа одржаног од 17. до 20. фебруара 1997 / ур. М. Јовичић. — Београд : Српска академија наука и уметности, 1998. — С. 13–21.

REFERENCES

1. Arseniev, A. B., Ordovsky-Tanaevsky, M. L. (eds.) (2018), *Gymnasium in Faces. The First Russian-Serbian Gymnasium in Belgrade (1920–1944)* [Gimnaziya v liczah. Pervaya russko-serbskaya gimnaziya v Belgrade (1920–1944)], vol 1, Belgrade, Serbian Orthodox Church Archive, “Miroslav Jovanovic” Center for Russian and East Slavic Studies of the Faculty of Philosophy of the University of Belgrade; Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 638 p. (In Russian)

2. “Awards of the Government of the People’s Republic of Serbia” [Nagrada Vlade Narodne Republike Srbije] (1948), *Fight*, 7th of July, p. 4. (In Serbian)

3. Brglez, A., Selyak, M. (2008), *Russia in Slovenia. Russian Teachers at the University of Ljubljana in the Period from 1920–1945*. [Rossiya v Slovenii. Russkie prepodavateli v Lyublyanskom universitete v period s 1920–1945 gg.], Ljubljana, Institute of Civilization and Culture, 263 p. (In Russian)

4. Chernjavsky, P. (1928), “Anabiosis Ramonda Nathaliae Panch-Petr” [Anabioz Ramonda Nathaliae Panch-Petr], *Journal of the Russian Botanical Society of the USSR Academy of Sciences*, No 1–2, p. 27–38. (In Russian)

5. Chirkovich, S. (1998), “Slobodan Jovanovich — Academician and President of the Academy” [Slobodan Jovanovich — akademik i predsednik Akademije], in Jovichich, M. (ed.), *Slobodan Jovanovich —*

Person and Work: Collection of Papers from the Scientific Meeting Held from February 17th to 20th, 1997, Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, p. 13–21. (In Serbian)

6. Chumachenko, P., Dietl O. (eds.) (2021), *Geologists of the Russian Abroad: Fates and Contribution to the World Science. Scientific and Encyclopedic Collection on the History of Geology* [Geologi rossijskogo zarubezh'ya: sud by i vklad v mirovuyu nauku. Nauchno-ènciklopedicheskij sbornik po istorii geologii], Stuttgart, Samizdat O. Dietl, 557 p. (In Russian)

7. Chumachenko, V. V., Chumachenko, P. V., Rozhkov, S. A. (eds.) (2013), *White Emigrants in Bulgaria. Memories* [Beloè migranty v Bolgarii. Vospominaniya], Moscow, New Printing Technologies; Synergy, 794 p. (In Russian)

8. Dimich, Lj. (1988), *Agitprop Culture. Agitprop Phase of Cultural Policy in Serbia 1945–1952* [Agitprop kultura. Agitpropovska faza kulturne politike u Srbiji 1945–1952], Belgrade, Rad, 295 p. (In Serbian)

9. Dimich, Lj. (2014), “Foreword” [Predgovor], *Yugoslavia — USSR: Meetings and Talks at the Highest Level between the Yugoslav and USSR Leaders: 1946–1964*. Vol 1, Belgrade, Archive of Yugoslavia, p. 5–25. (In Serbian)

10. Djelich, S. (eds.) (1987), *Serbian Academy of Sciences and Arts 1886–1986* [Srpska akademija nauka i umetnosti 1886–1986], Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, 198 p. (In Serbian)

11. Djordjevich Milutinovich, D. (2022), “Pavle Ivanovich Chernjavski” [Pavle Ivanovich Chernjavski], *Natural History Museum in Belgrade*, Belgrade, Natural History Museum. (In Serbian)

12. Djordjevich Milutinovich, D. (2017), “Tribute to the Great Friend of the Natural History Museum, Academician Nikola Pantich 1927–2002. Symposium “Nikola Pantich — Man and Nature in the Time Spiral’ 90 years since the Birth of the Scientist” [Omazh velikom prijatel' u Prirodñ achkog muzeja akademiku Nikoli Pantichu 1927–2002. Simpozijum „Nikola Pantich — chovek i priroda u spirali vremena“ 90 godina od rozheñ a nauchnika], *Yearbook. Natural History Museum in Belgrade-2017*, Belgrade, Natural History Museum, p. 88–92. (In Serbian)

13. Gibiansky, L. Yu. (1991a), “On the History of the Soviet-Yugoslav Conflict of 1948–1953: A Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian Meeting in Moscow on February 10th, 1948” [K istorii sovetsko-yugoslavskogo konflikta 1948–1953 gg.: sekretnaya sovetsko-yugoslavo-bolgarskaya

vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda], *Soviet Slavic Studies*, No 3, p. 12–23. (In Russian)

14. Gibiansky, L. Yu. (1991b), “On the History of the Soviet-Yugoslav Conflict of 1948–1953: A Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian Meeting in Moscow on February 10th, 1948” [K istorii sovetско-yugoslavskogo konflikta 1948–1953 gg.: sekretnaya sovetско-yugoslavo-bolgarskaya vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda], *Soviet Slavic Studies*, No 4, p. 27–36. (In Russian)

15. Gibiansky, L. Yu. (1992a), “On the History of the Soviet-Yugoslav Conflict of 1948–1953: A Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian Meeting in Moscow on February 10th, 1948” [K istorii sovetско-yugoslavskogo konflikta 1948–1953 gg.: sekretnaya sovetско-yugoslavo-bolgarskaya vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda], *Soviet Slavic Studies*, No 1, p. 42–56. (In Russian)

16. Gibiansky, L. Yu. (1992b), “On the History of the Soviet-Yugoslav Conflict of 1948–1953: A Secret Soviet-Yugoslav-Bulgarian Meeting in Moscow on February 10th, 1948” [K istorii sovetско-yugoslavskogo konflikta 1948–1953 gg.: sekretnaya sovetско-yugoslavo-bolgarskaya vstrecha v Moskve 10 fevralya 1948 goda], *Slavic Studies*, No 3, p. 35–51. (In Russian)

17. Gibiansky, L. Yu. (2014), “Foreword” [Predislovie], *Yugoslavia – USSR: Meetings and Talks at the Highest Level between the Yugoslav and USSR Leaders: 1946–1964*, vol 1, Belgrade, Archive of Yugoslavia, p. 27–46. (In Russian)

18. Gulich, M. (2013), “Sinisha Stankovich and the Second World War” [Sinisha Stankovich i Drugi svjetski rat], in Roksandich, D. (ed.), *Intellectuals and War 1939–1947. Proceedings of the Desnica-2012 Encounters. Part 1*, Zagreb, FF Press, Faculty of Philosophy, p. 251–264. (In Serbian)

19. Historical Archive of Belgrade [Istorijski arxiv Beograda], coll. 1: *Card File of the Inhabitants of the City of Beograd and Zemun*.

20. Jankovich, M.M. (1996), “A Few Introductory Words for the First Issue of the ‘Comment Monitor’” [Nekoliko uvodnix rechi uz prvi broj “Komentamonitora”], *Comment Monitor*, No 1–2, p. 1–16. (In Serbian)

21. Jankovich, M. M., Tatich, B. B. (2001), “Pavle Ivanovich Chernjavski” [Pavle Ivanovich Chernjavski], in Sarich, M. (ed.), *Life and Work of Serbian Scientists*, Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, p. 261–286. (In Serbian)

22. Jovanovich, M. (1996), *Immigration of Russian Refugees into the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes 1919–1924* [Doseł avañ e ruskix izbeglicza u Kralèvinu SXS 1919–1924], Belgrade, Pillars of culture, 386 p. (In Serbian)

23. Jovanovich, M. (2006), *Russian Emigration in the Balkans (1920–1940)* [Ruska emigracija na Balkanu (1920–1940)], Belgrade, Chigoja, 559 p. (In Serbian)

24. Jovanovich, P. (1947), “Awards of the Government of the People’s Republic of Serbia for Scientific Work in 1947/48” [Nagrade Vlade Narodne Republike Srbije za nauchni rad u 1947/48 god], *Science and nature*, September, p. 3–6. (In Serbian)

25. Markovich, S. G. (2005), “Serbian Scientific Institutions in the Service of Deification of the Yugoslav Dictator” [Srpske nauchne ustanove u sluzhbi deifikacije jugoslovenskog diktatora], *Hereticus*, No. 1, p. 32–56. (In Serbian)

26. Mihailovich, D., Jovanovich, M., Miloradovich, G., Timofeev, A. (eds.) (2016), *Detainees of Goli Otok: Register of Persons Convicted for Informbiro: Document of the State Security Administration of the Federal People’s Republic of Yugoslavia* [Zatochenici Golog Otoka: registar licza osudjivanix zbog Informbiroa: dokument Uprave drzhavne bezbednosti FNR Jugoslavije], Belgrade, Archive of Serbia, Institute of Contemporary History, 527 p. (In Serbian)

27. Murashko, G. P. (ed.) (1998), *Eastern Europe in Documents of Russian Archives. 1944–1953*. [Vostochnaya Evropa v dokumentax rossijskix arxivov, 1944–1953 gg.], vol. 2, Moscow; Novosibirsk, Siberian Chronograph, 1004 p. (In Russian)

28. Natural History Museum Archive [Arxiv Prirodnè achkog muzeja].

29. Nikich, Lj., Zhujovich, G., Radojchich-Kostich, G. (2008), *Material for the Biographical Dictionary of the Members of the Society of Serbian Literature, the Serbian Academic Society and the Serbian Royal Academy: 1841–1947* [Gradja za biografski rechnik chlanova Drushtva srpske slovesnosti, Srpskog uchenog drushtva i Srpske kralèvske akademije: 1841–1947], Belgrade, SASA, 409 p. (In Serbian)

30. Otashevich, D. (ed.) (2016), *Serbian Academy of Sciences and Arts: 175 Years: 1841–2016* [Srpska akademija nauka i umetnosti: 175 godina: 1841–2016], Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, 181 p. (In Serbian)

31. Pavlovich, P., Mihailovich, M., Paunovich, M. (eds.) (2017), *Our 70 Years: University of Belgrade, Institute for Biological Research “Sinisha*

Stankovich” [Nashix 70 godina: Univerzitet u Beogradu, Institut za biologshka istrazhivañ a “Sinisha Stankovich”], Belgrade, Institute for Biological Research “Sinisha Stankovich”, 231 p. (In Serbian)

32. Serbian Academy of Sciences and Arts Archives [Arxiv Srpske akademije nauka i umetnosti], coll. *Administrational Archive*.

33. *Serbian Academy of Sciences Yearbook–1947* [Godishñ ak Srpske akademije nauka] (1948), Belgrade, Serbian Academy of Sciences, 656 p. (In Serbian)

34. *Serbian Academy of Sciences Yearbook–1948* [Godishñ ak Srpske akademije nauka] (1951), Belgrade, Serbian Academy of Sciences, 295 p. (In Serbian)

35. *Serbian Academy of Sciences Yearbook–1949* [Godishñ ak Srpske akademije nauka] (1951), Belgrade, Serbian Academy of Sciences, 386 p. (In Serbian)

36. *Serbian Academy of Sciences Yearbook–1950* [Godishñ ak Srpske akademije nauka] (1951), Belgrade, Serbian Academy of Sciences, 588 p. (In Serbian)

37. Sorokina, M. Yu. (2012), “Crossing the Borders: Russian Emigrant Scholars – Members of the Serbian Academy of Sciences and Arts” [Peresekaya granicy: rossijskie ucheny e–è migranty – chleny Serbskoj akademii nauk i iskusstv], in Stankovich, B. (ed.), *Russian Diaspora and the Study of Russian Language and Russian Culture in Non-Slavic and Foreign Environments* (Belgrade, June 1–2, 2011), Belgrade, Slavic Society of Serbia, p. 69–77. (In Russian)

38. Sorokina, M. Yu. (2017), “I. N. Golenishchev–Kutuzov (1904–1969): On the History of His Return to the USSR” [I. N. Golenishhev–Kutuzov (1904–1969): K istorii vozvrashheniya v SSSR], *Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn Center for the Study of the Russian Diaspora*, No 7, p. 114–128. (In Russian)

39. Sorokina, M. Yu. (2019), “Russia Abroad and the Serbian Academy of Sciences and Arts in the XX Century” [Russkoe nauchnoe zarubezh e i Serbskaya akademiya nauk i iskusstv v XX veke], in Timofeev, A.Yu. (ed.), *Century of Two Emigrations. 1919–2019. Collection of Articles*, Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; Belgrade: Informatics, p. 229–238. (In Russian)

40. Sorokina, M. Yu. (2021), *Russian Address of Belgrade: Professors of the University of Belgrade* [Russkij adres Belgrada: Professora Belgradskogo universiteta], Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for the Study of the Russian Diaspora, 194 p. (In Russian)

41. State Archive of Russian Federation (GARF) [Gosudarstvenny j arxiv Rossijskoj Federacii], coll. R–9526: *Office of the Authorized Council of Ministers of the USSR for Repatriation*, aids 234, fol. 95, 96.

42. State Archive of Serbia (DAS) [Drzhavni arxiv Srbije], coll. G–183: *Ministry of Education of the People’s Republic of Serbia*, F–IV–37.

43. State Archive of Serbia (DAS) [Drzhavni arxiv Srbije], coll. G–189: *Committee for Scientific Institutions, University and Collages of the People’s Republic of Serbia – Belgrade*, aids 13, fol. 18, 20, 27, 42, 48.

44. Stalin, I.V. (2006), *Written Works* [Sochineniya], vol. 18, Tver, Information and Publishing Center “Soyuz”, 786 p. (In Russian)

45. Statute of the Serbian Academy of Sciences and Arts (consolidated text) [Statut Srpske akademije nauka i umetnosti (prechishchen tekst)] (2020), Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, 31 p. (In Serbian)

46. “Statute of the Society of Serbian Literature” (1842) [Ustav` Druzhestva srbske slovesnosti], *Serbian Newspapers*, No 24, 13th of June, p. 185. (In Serbian)

47. Timofeev, A. Yu. (2019), “Broken Faiths. 1948–1953. Repressions Against the Russian Emigration in Yugoslavia during the First Post-War Decade (Based on the Materials of the State Security Department)” [Slomanny e sud by . 1948–1953 gg. Repressii pervogo poslevoennogo desyatiletija protiv ruskoj è migracii v Yugoslavii (po materialam Upravleniya gosudarstvennoj bezopasnosti)], *Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn Center for the Study of the Russian Diaspora*, No 9, p. 294–311. (In Russian)

48. Timofeev, A. Yu., Zhivanovich, M. (2021), *Russian Emigration in Belgrade from the 1920s to the 1950s. Introductory Study for the Exhibition Catalogue* [Ruska emigracija u Beogradu od 1920–x do 1950–ix. Uvodna studija za katalog izlozhbe], Belgrade, Historical Archive of Belgrade, 179 p. (In Serbian)

49. Volokitina, T. V. (eds.) (2002), *Soviet Factor in Eastern Europe. 1944–1953. [Sovetskij faktor v Vostochnoj Evrope. 1944–1953 gg.] Documents, vol 2. 1949–1953*, Moscow, ROSSPEN, 926 p. (In Russian)

50. Zhivanovich, M. (2021), “I Felt Like a Serb ...’ Russian Emigrants in the April War of 1941” [“Ya pochuvstvoval sebya serbom...”. Russkie è migranty v Aprel`skoj vojne 1941 goda], *Military History Journal*, No 9, p. 46–55. (In Russian)

51. Zhivotich, A. (2018), “The Yugoslav–Soviet Conflict and the Status of the Russian Emigration in Yugoslavia (1948–1953)” [Yugoslavsko–

sovetskij konflikt i polozenie russoj è migracii v Jugoslavii (1948–1953 godÿ)], *Slavic Studies*, No 1, p. 30–42. (In Russian)

ЖИВАНОВИЧ МИЛАНА — доктор исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (milana.zivanovic@yahoo.com). Республика Сербия, Белград.

.....

Документы

.....